

ЛЕВОВЕДЕНИЕ

В. И. Манукян, LL.M.

Почему юрист не танцует твист?

Профессиональный
портрет юриста
в литературно-правовом
интерьере

Харьков
«Право»
2017

УДК 340:572.025
ББК 67.0я9
М24

Манукян В. И.

М24 Левоведение. Почему юрист не танцует твист? Профессиональный портрет юриста в литературно-правовом интерьере / В. И. Манукян. – Харьков : Право, 2017. – 392 с.

ISBN 978-966-937-038-9

Джону Леннону приписывают слова о том, что он «никогда не напишет песни о юристах – ни об одном из них». Написать о юристе песню действительно трудно, почти невозможно, примем это как презумпцию, как факт, не требующий доказательств. Однако что недоступно высокой поэзии, может сделать старая добрая «презренная» проза.

Профессиональный портрет юриста в литературно-правовом интерьере и представляет вниманию читателя автор этой книги, написанной в изобретенном им (как он заявляет) жанре «прозаического квазицента». Попутно дается оригинальный критический обзор как отдельных юридических концепций, так и правового ландшафта в целом, в особенности – юридического языка.

Аудитория, на которую рассчитана эта книга, – самостоятельно мыслящие юристы, а также неюристы – «физики», «лирики» и «ботаники», а равно – широкий круг читателей, которых еще не научили мыслить «правильно» и которые хотели бы активизировать свой «правый мозг».

Следует, однако, заранее предупредить читателей этого необычного трактата, что...

«Он нов по мысли и не прост по слогу.
Таких, кому он по зубам, немного».

УДК 340:572.025
ББК 67.0я9

ISBN 978-966-937-038-9

© Манукян В. И., 2017
© Оформление. Издательство «Право», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Слова признательности.....	6
От автора	7
Показания и противополоказания.....	7
Жанр, предмет, аудитория. О чем все это и для кого.....	8
О злаках полезных и вредных: <i>errare humanum est</i>	8
Необходимое и достаточное предисловие-послесловие	10
«Тиха украинская ночь...», или Место красит человека	15
«Тиха украинская ночь...».....	16
Не единожды солгавши... (Юридическая психосоматика)	24
Попал в стаю – лай, не лай... ..	39
«Искусственный интеллект». Юридическая феня и ее жертвы	50
Состав преступления... прибывает на третий путь	83
Все забываю это слово: совесть... ..	93
«Унзер-эффект»: еще немного юридической криптологии.....	113
Почему юристы не танцуют, или Правовед, включите правый мозг!	135
При чем здесь танцы. Необязательное, а потому неизбежное, отступление.....	136
Левый мозг, правый мозг	146
«Вылечить» гения. Магический круг шамана	154
Правый мозг, левый мозг (еще раз о полушариях).....	170
Почему в душе больше ума, чем в уме.....	187
Красота как ускоритель ума: эффект Моцарта-Ренуара-Диккенса	198
Рыба в воде, неводе и на сковороде	221
Понять нельзя, можно выучить (неизбежность правдоподобных фикций).....	234
Есть ли место поэзии в праве?	241
Дедукция, индукция и прочая продукция	252

Зачем юристу «Дон Кихот»?	257
О возбужденности мысли. Как бы введение в художественное постижение реальности вообще и права в частности	258
«Формула Руиса»: о ясновидении и чудотворных метафорах	272
Гегель, Гоголь и гоголь-моголь: кто ясно видит, тот ясно мыслит	293
«Принцип Квазимодо» (о дедуктивном кретинизме)	321
Не логикой единой	330
Читайте, мой друг, Сервантеса...	355
Нечто вроде приложения. Литературно-правовой <i>minimum minimorum</i>	378
P. S.	388

Я лелею надежду, возможно, с некоторым сомнением, что изложенные в этой книге мысли находятся на достаточно безопасном расстоянии от так называемого здравого смысла.

Ч. Манук

Здравым смыслом может обладать кто угодно – для этого достаточно не иметь воображения.

О. Уайльд

Слова признательности

В этом мире ничего действительно стоящего нельзя сделать в одиночку. И если кто-то самоуверенно полагает, что некое достижение является только его заслугой, гордецу стоило бы внимательно оглядеться, взглянуть на пройденный путь. И тогда окажется, что на этом пути ему помогали словом и делом, советом и критикой. Или хотя бы не мешали.

Автор считает приятной обязанностью выразить искреннюю признательность профессору, доктору филологических наук Г. Гусейнову (Москва) — за сообщение о пифагорейских двойных категориях (рассуждая о праве и справедливости, я затрагиваю противопоставление «правое/левое», и это напоминание мне было очень кстати); математику, доктору философии Ю. Зинченко (Канада) — за терпеливое выслушивание и комментирование моих околосматематических рассуждений (без математики обойтись в серьезном деле никак невозможно, если верить Марксу и фон Хайеку); филантропу и одному из основателей Центрально-Европейского Университета Р. Хазевинкелю (Нидерланды) — за все, что он для меня сделал; а также Р. Манукян — за поддержку, понимание и неизменное чувство юмора.

Отдельное *спасибо* — импрессионистам (Моне, Ренуару и другим, в особенности фовистам) — за *impression* и *inspiration*, позволившее не впадать в отчаяние от обращения с «презумпциями» и «верховенствами» — предметами столь лукавыми, что следовало всегда быть настороже. Имея дело с неразумием, есть опасность самому впасть в него, говорил Гете. Юридические конструкции, большей частью представляющие собой «неразумения», облеченные в респектабельные фикции, развивают в человеке «дурную автономию ума» (Ф. Искандер), если не предпринимать психогигиенических мер. Самым мощным средством защиты является искусство, литература, поэзия.

Наконец, автор не может не отметить внимательность и высокий профессионализм сотрудников издательства «Право», готовивших текст к печати. Сведение к минимуму разного рода досадных погрешностей, избежать которых в книжном деле едва ли возможно, — в решающей мере их заслуга.

Вячеслав Манукян

магистр международного и сравнительного конституционного права, LL.M., Лейден, LL.M., Будапешт

ОТ АВТОРА

Показания и противопоказания

Внимание! У данного трактата есть некоторые *противопоказания*, о которых следует предупредить потенциального читателя:

Он нов по мысли и не прост по слогу.
Таких, кому он по зубам, немного¹.
(Дж. Мильтон. *Очернителям моих трактатов*)

Не рекомендуется читать эту книгу слишком серьезным людям, а также тем, кто [думает, что] обладает истиной в последней или в предпоследней инстанции. Возможны *побочные эффекты* (и даже аффекты), как то — возбужденность ума, сомнения относительно непреложных юридических аксиом, потеря уверенности в собственной непогрешимости и т. п.

Поэтому людям, не склонным к интеллектуальной независимости, лучше обратиться к традиционной — «по мысли и слогу» — литературе. Ибо приключения умственные требуют от человека не меньшей (а возможно, и большей) подготовленности, смелости и куража, чем преодоление физических преград.

С другой стороны — парадокс! — именно для скептика и консерватора КПД этой книги может оказаться наивысшим.

Сказав о противопоказаниях и побочных эффектах, нельзя не сделать еще одно, и последнее, «фармацевтическое» указание — о совместимости. Наибольший, синергетический эффект при чтении этой книги возможен при обращении к «Словарю — активатору творческого мышления юриста»².

¹ Перевод Ю. Корнева.

² Издательство «Право», 2015 г., автор-составитель В. Манукян.

Жанр, предмет, аудитория. О чем все это и для кого

Джону Леннону приписывают слова о том, что он никогда не напишет песни о юристах — ни об одном из них: *«I wouldn't write a song about any of them»*.

Произносил ли великий музыкант, далекий от юриспруденции, эти слова, или нет, — в точности не известно. Но то, что написать о юристе песню действительно трудно, почти невозможно, — это факт, не требующий доказательств. Вам известна хотя бы одна песня или лирическая строка о нотариусе, прокуроре или адвокате? Разве что так называемый «шансон».

Однако то, что недоступно высокой поэзии, может сделать старая добрая «презренная» проза.

Профессиональный портрет юриста в литературно-правовом интерьере и представляет вниманию читателя автор этой книги, написанной в изобретенном им (как он несколько самоуверенно полагает) жанре. Итак:

- ЖАНР** *Юридические эссе в форме «прозаического квазицента»*
- ПРЕДМЕТ** *Профессиональный портрет юриста в литературно-правовом интерьере, с попутным критическим обзором как отдельных правовых концепций, так и юридического ландшафта в целом, в особенности — юридического языка*
- АУДИТОРИЯ** *Самостоятельно мыслящие юристы независимо от специализации, а также неюристы — «физики», «лирики» и «ботаники», философы и филологи. А равно — преподаватели, студенты и широкий круг читателей, которых еще не научили мыслить «правильно» и которые хотели бы включить свой «правый мозг»*

О злаках полезных и вредных: *errare humanum est*

У этой книги, разумеется, много недостатков — *nobody's perfect*. Но как сказал поэт,

Если закрыть дверь перед ошибками,
как, скажите, войдет сюда истина?

Великий индеец Р. Тагор говорит об открытых дверях, китайский реформатор Дэн Сяо Пин призывает держать открытыми и окна, несмотря на то, что

В открытое окно вместе со свежим воздухом
всегда залетят несколько мух.

Наконец, меня греет мысль великого ирландца О. Уайльда:

Заблуждения — это единственное,
в чем никогда не раскаешься.

«Как бы тщательно ни было возделано поле, на нем вперемешку с полезными злаками растут крапива, волчцы и тернии», — писал Боккаччо.

В случае обнаружения среди полезных злаков, в достаточном количестве произрастающих на страницах этой книги, крапивы, терний и прочих сорняков — выделите соответствующий текст и нажмите клавиши **Ctrl + Enter**¹.

Если же это не поможет (что весьма вероятно), можно сообщить о своих замечаниях автору, который будет благодарен читателю за это.

E-mail автора этой книги: cheslavm@ukr.net

¹ «Юмор приводит в действие механизм мысли», — утверждал М. Твен. Автор согласен и с более общим утверждением Г. Честертона: «Серьезность — не добродетель».

НЕОБХОДИМОЕ И ДОСТАТОЧНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ-ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кому пролог, а кому эпилог.

М. Булгаков. Дни Турбиных

«Как?! Пролог и эпилог вместе? Это же против всех и всяческих литературно-издательских правил и противоречит элементарной логике!» — возможно, воскликнет иной Внимательный Читатель. Если даже Внимательный Читатель промолчит (в предвкушении большей поживы), все же автор-составитель спешит дать некоторые пояснения относительно правил и традиций, которые им по косвенному умыслу или неосторожности нарушались во время написания этой книги.

Вообще-то автор согласен с Гегелем в том, что «объяснения считаются в благородном обществе признаком дурного тона». Но, учитывая *исключительный* характер этой книги (т. е. в ней множество *исключений*), некоторые объяснения будут уместны и не повредят репутации благородного общества. А общество читателей *чего бы то ни было*, даже железнодорожных справочников, безусловно, — благородное общество. Хотя бы потому, что число его членов стремительно падает до аристократических, можно сказать, величин. Как мы знаем, благородные металлы потому и называются благородными, что не валяются там и сям. Благородство — *редкое* качество.

Во-первых, если бы автора хотя бы в некоторой мере беспокоило соответствие *элементарной логике* его идей и гипотез, он бы закончил книгу, так ее и не начав. Вместо нее он бы написал «Задачник по элементарной логике» для студентов-гуманитариев и «широкого круга читателей».

Во-вторых...

Этих самых школьных правил
Я всегда терпеть не мог,
Лишь боящийся свободы
Вечно в правила одет¹.
(Ш. Петефи. Дикий цветок)

В-третьих, автор может сослаться на то, что юристы именуют «крайней необходимостью». Пограничный или даже *за-граничный* жанр этой книги не позволил соблюсти строгие каноны академической юридической литературы — наукообразная систематичность и иерархичность, приятная глазу симметрия, нормативность, ясные дефиниции, дедуктивное великолепие рассуждений и т. п.

В-четвертых, всем известно правило о том, что «правил без исключений не бывает»². Исключения лишь подтверждают правило, придают ему силу — *exceptio firmat regulam*. Более того, *omnis exceptio est ipsa quoque regula* — «исключение — тоже правило». Потому правило без исключения вызывает у наиболее пронизательного человека справедливые, *легитимные*³ подозрения. В конце концов, часто выясняется, что правило было вовсе и не и правило, а не более чем некий «узус», «традиция» — короче говоря, нечто достаточно эфемерное с точки зрения юриста. Что же касается традиций, то стоит время от времени их нарушать, хотя бы для того, чтобы проверять их на прочность. Иного способа контроля прочности предметов или идей не существует — только давление, изгиб, скручивание, растяжение и т. д.

Только закончив писать,
я понял, с чего я должен
был начать.

Б. Паскаль

¹ Перевод Л. Мартынова.

² Примечательно, что из самого этого правила следует его недействительность: если верно, что «правил без исключений не бывает», то верно и обратное. Кажущийся парадокс объясним неполнотой, искусственностью любых систем, создаваемых человеком для удовлетворения своих нужд, будь то право, грамматика или даже небесная механика.

³ Иного читателя хлебом не корми, как дай чего-нибудь легитимного. Поэтому для более сбалансированного изложения мы будем, время от времени, пользоваться юридическим арго.

В «Герое нашего времени» М. Лермонтов посетовал, что никто не читает предисловий. Развивая эту мысль до пределов гиперболических, один современный киевский поэт высказался на сей предмет в том смысле, что...

«передмови
це тупі
риси
тупих
оповідачів

тупі передмови
до
тупих творів»
(Ник. Петренко. Епілог ікс)

Как бы то ни было, отдельные педанты склонны читать книгу именно так, как, «по идее», следует ее читать — от доски до доски. И все же трудно предположить, что читатель (не читающий предисловий) обратится к *послесловию* (эпилогу).

Наконец, в отношении предисловий, послесловий, прологов, эпилогов можно вспомнить интересную мысль Э. Гофмана: «Небесполезно сочинять последний акт и финал до всего остального». А увертюра и пролог «безусловно должны писаться в самом конце работы». Если согласиться с методом великого немецкого романтика, изложенным им в «Крейслериане», то и мысль о совмещении «увертюры» (предисловия) с «финалом» (послесловием) не должна казаться такой уж безумной, не так ли? Кстати, у немцев есть пословица: *Vorrede spart* (или *macht keine*) *Nachrede* — предисловие сокращает послесловие (или делает его ненужным).

*Небесполезно сочинять
последний акт и финал
до всего остального.*

Э. Гофман

И вообще, автор не настолько наивен, чтобы думать, что читатель будет осваивать книгу строго последовательно, страница за страницей. Тем более что сам автор часто читает книгу с середины,

по спирали или «по-искандеровски», когда, найдя какое-нибудь особенно удачное выражение, начинаешь *вычитывать* (как мышь грызет сыр) окружающее его пространство.

Помимо гастрономического «аппетит приходит во время еды», французы еще говорят: *l'idée vient en parlant* — «идея приходит во время разговора». «Одно словцо другое зовет, одна мысль другую вызывает», — пояснял следователь Порфирий Петрович в знаменитом разоблачительном диалоге-дуэли с несчастным Раскольниковым.

Когда я начинал писать эту книгу, то представлял ее совсем не такой, какой она в результате получилась — с многочисленными «лирическими отступлениями» от чисто юридической тематики, обширными цитатами, множеством микроэссе («микроблогами»)… Причем отступления эти, как мне показалось, в некоторый момент стали претендовать на полную самостоятельность.

Вначале эта фрагментарность (получалось какое-то лоскутное одеяло) меня беспокоила, но затем я понял, что если я хочу показать право по-новому, то не нужно бояться ни *смешения жанров*, ни лоскутности — каждый танец имеет свой ритм. Когда вы, как пишет С. Фитцморрис, «танцуете, двигаетесь в собственном ритме, многие вас могут не понять». Танцующих в собственном ритме действительно часто не понимают и осуждают. Чаще всего за этим кроется досада на отсутствие у *себя* мужества танцевать в собственном ритме.

***Собственный ритм, собственный стиль,
собственный жанр... Все это хорошо,
но как сказал Бальзак: «Вернемся к реальности —
поговорим о моем новом романе».***

Обратимся и мы к *нашей* реальности и поговорим о том,
...почему всяк юрист подобен флюсу
...как и кто создает «искусственный интеллект» с его особой
феней
...на какой путь обычно прибывает состав преступления
...какое самое непопулярное слово (архиаρχаизм!) в юриспруден-
ции
...что такое «унзер-эффект» и его роль в юридической крипто-
логии
...чем интересны юристу «Петлистые уши» Бунина и уши не-
счастливого Каренина
...к чему вообще здравомыслящему правоведу рассуждения кня-
зей Мышкина и Нехлюдова, рыцаря Алонсо Кехана и прочих
литературных сумасшедших

**«ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ...»,
ИЛИ МЕСТО КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА**

Привычка — вторая натура.

Цицерон

Привычка — наша вторая натура...
Но что такое натура? И разве привычка
не натуральна в человеке?

Боюсь, что эта натура —
наша самая первая привычка.

М. Монтень

Морская буря. Юристы должны
смотреть на нее, как на преступление.

А. Чехов. Записные книжки

«Тиха украинская ночь...»

«Трезвый и разумный человек, — пишет Н. Мандельштам в своих «Воспоминаниях», — всегда находится во власти готовых концепций». Критерием разумности и трезвости, можно сказать, и является эта приверженность устоявшимся идеям, концепциям, образу мысли. *Всякая же поэзия пьянит, уводит от разума, «поэзия — вдохновение, и она рождается по ту сторону разума» (А. Тахо-Годи).* Гению, писал Шопенгауэр, всегда *не хватает* трезвости.

Юрист, по определению, — *наитрезвейший и наиразумнейший* из людей, и готовые концепции, стереотипы и установки — неотъемлемые спутники как юридического образования, так и практической юриспруденции.

Дедуктивность и, вообще, — схематичность юридического мышления налагает особый отпечаток на личность — на интеллект, язык, жесты и даже поведение в быту. Говорят, что не место красит человека, а человек — место. Но именно «место» — профессия, должность, чин и даже мундир иногда так «красят» человека, что закрашивают в нем много естественного, человеческого — здравый смысл, сострадание или чувство юмора. Ничего удивительного или тем более именно для юриста обидного здесь нет.

*Каждая система
по-своему безумна.*

*Ч. Манук,
по канве Полония
из «Гамлета»*

Немецкий писатель *Г. Манн* в романе «Учитель Гнус» представил образ такого специалиста: «Проведя всю жизнь в школах, он не умел смотреть на мальчиков и их дела взглядом взрослого, житейски опытного человека. У него отсутствовала перспектива... Он говорил и думал на их языке, употреблял выражения, заимствованные

из жаргона школяров, и раздевально называл «каталажкой». Начи-
нал он урок в том стиле, к которому прибег бы любой школьник,
окажись он на его месте, а именно латинизированными периодами,
впережку с бесконечными «право же, конечно», «итак, следова-
тельно» и прочими ничего не значащими словечками. Эта привычка
выработалась у него благодаря изучению Гомера с восьмикласни-
ками, когда каждое словцо обязательно подлежало переводу, как бы
тяжеловесно и нелепо оно ни звучало на другом языке. С годами тело
Гнуса окостенело, утратило подвижность, и такой же неподвижности
он стал требовать от школьников...». Беда, однако, в том, что косте-
неет в таких случаях не только тело, но и дух, душа, человек теряет
«перспективу».

Словами Ф. Искандера, такой одномерный человек утрачивает
«сюжет существования», точнее, этот сюжет скукоживается до пре-
делов профессиональной специализации. Классический пример па-
тологически одномерного специалиста — чеховский Беликов. Вопреки
известной эпиграмме «служебное положение развивает
воображение», в специалисте часто профессиональный плоский
«футляр» берет верх над человеком с его способностью подняться
над рутинной, фантазировать.

Убедительно раскрывает профессиональный метаморфоз
и В. Вересаев в «Записках врача»: «...Лично я привык к трупам до-
вольно скоро и с увлечением просиживал целые часы за препаров-
кою, раскрывавшею передо мною все
тайны человеческого тела, в течение
семи-восьми месяцев я ревностно зани-
мался анатомией, целиком отдавшись
ей, — и на это время взгляд мой на че-
ловека как-то удивительно упростился.
Я шел по улице, следя за идущим пере-
до мною прохожим, и он был для меня
не более как живым трупом: вот теперь
у него сократился *glutaeus maximus*, теперь — *quadriceps femoris*, эта
выпуклость на шее обусловлена мускулом *sternocleidomastoideus*, он
наклонился, чтобы поднять упавшую тросточку, — это сократились
musculi recti abdominis и потянули к тазу грудную клетку. Близкие
и дорогие мне люди стали в моих глазах как-то двоиться; эта девуш-

*Дворник, хотя и не был
близорук, к очкам привык
и носил их с удовольствием.*

И. Ильф, Е. Петров

ка, — в ней столько оригинального и славного, от ее присутствия на душе становится хорошо и светло, а между тем всё, составляющее ее, мне хорошо известно, и ничего в ней нет особенного — на ее мозге те же извилины, что и на сотнях виденных мною мозгов, мускулы ее так же насквозь пропитаны жиром, который делает столь неприятным препарирование женских трупов, и вообще в ней нет решительно ничего привлекательного и поэтического...»¹

И террорист привыкает к своей работе. «Уже давно прошло трудное время, когда он чувствовал страх. Как моряк привыкает к морю и не думает, что утонет; как солдат привыкает к войне и не думает, что будет убит; как врач привыкает к тифу или чахотке и не думает о заразе, — так и Болотов привык к своей безыменной жизни и не думал, что его могут повесить. Но где-то в глубине усыпленной души жило темное и многотревожное чувство, — то самое, которое не покидает ни моряка, ни врача, ни солдата. Повинуясь ему, Болотов безотчетно, по кучной привычке, следовал «конспирации». Он... просто не мог бы понять, как можно без нужды, для развлечения видеться со знакомыми и родными... Он не видел, что все его отношения с людьми, начиная с дворников и швейцаров и кончая матерью и отцом, построены на боязни, на усердном желании скрыть те подробности жизни, которые единственно занимали его. Но если б он это увидел, он бы не мог жить иначе...» (*В. Ропшин (Б. Савинков). То, чего не было*).

Узкий специалист, будь то юрист или... террорист, подобен тому дворнику из «Двенадцати стульев», который, «хотя и не был близорук, к очкам привык и носил их с удовольствием». Именно с удовольствием. Профессиональные окуляры юриста превращают молодого и в общем-то неплохого человека в фигляра-прокурора с генеральской походкой и «начальнической вибрацией в голосе»,

¹ Автор должен подтвердить, что стремительность процесса привыкания к трупам, о которой говорит В. Вересаев, действительно имеет место. Начав свою работу с должности помощника прокурора города, я был обязан присутствовать на месте обнаружения трупа (при наличии признаков насильственной смерти). Ужас, испытываемый во время первых таких выездов «на труп», испарился чрезвычайно быстро, и новоиспеченный следователь уже «с увлечением», как пишет В. Вересаев, занимался своим делом — криминальными трупами. «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» (*Ф. Достоевский*).

мелочно терроризирующего участников судебного процесса и собственную жену (*А. Чехов. Именины*)¹.

Даже самая мирная и безобидная «специализация» может отразиться на способности человека видеть вещи ясно, объемно, стереоскопически.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет...

В «*Денискиных рассказах*» *В. Драгунского* учительница географии так интерпретирует пушкинские строки: «...В этих словах скрыто огромное содержание... Пушкин рассказал нам, что количество выпадающих осадков в этом районе весьма незначительно, благодаря чему мы и можем наблюдать безоблачное небо». Кроме того, «Пушкин намекает на тот факт, что на Украине находится небольшой циклонический центр с давлением около семисот сорока миллиметров. А, как известно, воздух в циклоне движется от краев к середине. И именно это явление и вдохновило поэта на бессмертные строки: «Чуть трепещут... каких-то тополей листы!» Так интерпретировать пушкинские *тополя* может человек, ум которого не склонен к *топологии*. (Позаимствуем этот термин у математиков для того, чтобы описать мышление, способное схватывать суть предмета, отвлекаясь от его формы — «осмыслить баранью ногу в категориях цилиндра»).

Справедливости ради скажем, что дело может быть не столько в профессиональной деформации, сколько в низком уровне общей культуры. Учитель *литературы* может в опере «Князь Игорь» увидеть, как «многие князья в тяжелое для страны время были заняты только своими личными делами» (*В. Краковский. Какая у вас улыбка!*).

Как географ интуитивно ищет и, самое удивительное, — находит в пушкинских строках метеорологические мотивы, так и ма-

¹ См. далее отрывок из рассказа, с. 37–38.

тематик «слышит математику» там, где ее нет: «Занятия математикой и сопряженное с ними систематическое использование точной терминологии определенным образом сказываются на психологии, по крайней мере, в части восприятия слов. Привычка к профессиональному восприятию значений слов приводит подчас к забавным эпизодам. Вот один из них. Дело происходит в 1950-х годах на механико-математическом факультете Московского университета. На семинаре академика С. Л. Соболева... докладчик произносит: «А теперь я должен ввести целый ряд обозначений». Соболев, полагая, что не расслышал определения, спрашивает: «Простите, какой ряд вы называете целым?» Поясню, что в математике, при терминологическом употреблении, слово «ряд» означает, грубо говоря, суммирование бесконечного числа слагаемых»¹.

В связи с этим автор может поделиться и личным опытом. Однажды, в те времена, когда чтение бумажных газет не было еще признаком отсталости от жизни, я прочел в разделе объявлений газеты такие строчки: «Продам хорошие улики. Звонить...». Моя первая мысль была о том, что некое лицо предлагает услуги лжесвидетеля лицам, участвующим в судебных тяжбах. Видимо, подумал я, со времен Ч. Диккенса (помните в «Пиквикском клубе» рассказ о профессиональных лжесвидетелях?) такая практика все еще существует. Оказалось, что речь идет не об уликах, а об... уликах, пчелиных ульях. Таков результат профессиональной деформации.

*Каждый понимает в меру
своей испорченности.*

Общее место

В другом случае, я просматривал программу телевидения, и взгляд наткнулся на фильм под названием «Горячие денежки». Оказалось — «Горячие денёчки»! Вероятно, мозг человека, находившегося в несколько стесненных финансовых обстоятельствах, отдал соответствующую команду глазам, и «день» превратился в «деньги». Строй и образ мыслей в некоторых обстоятельствах прямо влияют на строй и образ реальности. Слова «судебный исполнитель» мало у кого, и меньше всего у юриста, вызовут ассоциации с *исполните-*

¹ Успенский В. Математическое и гуманитарное: преодоление барьера // Химия и жизнь. — 2010. — № 4.

лем судеб — божьим «архангелом для особых поручений». Для этого нужно обладать свободной от профессиональных оков фантазией.

Так, вполне добросовестные свидетели из рассказа Э. По «Убийство на улице Морг» «идентифицировали» невидимого ими подозреваемого как иностранца, и *каждый* из них видел в нем немца, итальянца, испанца, русского, француза — представителя той нации, языка которой они *не* понимали¹.

А вот удивительное наблюдение *К. Паустовского*: «Баранов защищал парадоксальную теорию, что тип кораблей, их назначение и даже внешний вид оказывают сильное влияние на психику команд. Денисов смеялся над этой теорией и называл ее «морочением головы и фокусами» (*Черное море*). Подробный документально-художественный анализ «теории Баранова», который приводит писатель, убеждает в ее справедливости.

Возможно, не только форма корабля влияет на психику команд, но и *форма* вообще. Вот что пишет в своих мемуарах *В. Трубецкой*: «Чувствовался особый полковой замкнутый мирок общих вкусов, интересов, привычек, установившихся взглядов и взаимоотношений, а также своих особенных словечек и выражений. У очень многих в разговоре чувствовалась совершенно одинаковая манерная небрежность, одинаковая аффектированность речи. На всех лежала как бы одинаковая печать полка, а именно — кирасирского полка. Впоследствии я наблюдал, что каждый полк имел свою совершенно особую печать — незримую, но крепко чувствуемую» (*Записки кирасира*).

Архитектура, говорят, это застывшая музыка. Как и музыка, она оказывает влияние на человека, его психику и образ мыслей. И хотя архитектура воздействует на человека «наиболее медленно, зато наиболее прочно», как утверждал американский архитектор Л. Салливан. В современной экологической науке даже отпочковалась самостоятельная отрасль — видеоэкология — учение о влиянии окружающей среды на человека, его физическое и психическое состояние². Почему бы кораблям не влиять на людей, если, как пишет

¹ См. с. 128–129.

² Западноевропейцы, посещающие страны бывшего СССР, единодушно называют одну общую для граждан этих стран черту – мрачность, настороженность, читаю-

О. Шпенглер, здание монастыря или собора — «строения, которые обладают стилем» — влияет на его обитателей: «камень... имеет форму и сообщает ее людям, находящимся в его подчинении» (*Закат Европы*). Любопытно, что, как и у Баранова, взаимоотношения между домом и его обитателями зависят от типа постройки: крестьянский дом или рыцарский замок не имеет такой власти над его хозяином. Последний сам — через «мощную полноту мужицкой или рыцарской жизни — влияет на «характер» дома»¹.

Не только «архитектура» города, квартала, дома, улицы, но и *названия* этих объектов оказывают воздействие на обитателей. Согласитесь, одно дело жить на улице Ньютона, Моцарта или Верлена, и совершенно другое — на улице Белы Кун, Межлаука, Уборевича, Постышева и других «героев гражданской войны» и палачей средней руки.

Даже на талант художника палаческая топонимика (а не только «биология» — родители или «география» — климат) может оказать мощное, как радиация (и столь же незаметное поначалу) влияние². Литературный критик Н. Иванова пишет о В. Войновиче — авторе блестящего романа «Жизнь и невероятные приключения солдата

жуюсь на лицах. Меры по «оптимизации» строительства и архитектуры, которые на десятки лет поставили на поток однотипные серые дома, безусловно оказали влияние на характер и мироощущение обитателей этих угрюмых строений. В 6-м или 7-м классе школы автор озаглавил свой реферат «Person and Environment» («Человек и окружающая среда»). Продвинутый в английском языке одноклассник указал мне на неточность — «person» переводится с английского как «человек», но, скорее, в смысле человеческой личности, а не существа. В наше время влияние окружающей среды именно на личность настолько очевидно, что уже никто не назвал бы диссертацию на тему «Person and Environment» некорректной.

¹ Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века. — М., 1991. — С. 25.

² «Биология» и «климатология» гения более или менее описаны. Например, известно, что в роду великого Баха было более 50 музыкантов и среди них несколько выдающихся композиторов и исполнителей. Великие русские писатели И. Бунин, М. Пришвин, И. Тургенев родились на Орловщине. Паустовский, объясняя, почему именно им удавалось «наделять природу окраской человеческих дум и настроений», пишет: «Чем это объяснить? Очевидно, тем, что природа восточной части Орловщины, природа вокруг Ельца, — очень русская, очень простая и небогатая». Париж дал миру не один десяток величайших лирических поэтов. А «южную» литературную школу США — Фолкнера, Хемингуэя, Стейнбека отличает эпичность, историческая масштабность произведений.

Ивана Чонкина»: «Он родился в одном из тех советских городов, что носили имя вождя — Сталинабаде... Такое обязывающее название должно было травмировать ранимую душу молодого организма — когда Войновичу было двадцать четыре года... по Сталину проехался Н. С. Хрущев. Как утверждают психоаналитики, психотравмы сообщают таланту определенное направление. Так что антисталинизм Войновича (да и другие его «анти»), можно сказать, были заложены местом рождения. Представьте себе — во всех анкетах писать имя Сталина!»¹. Уникальное в своем роде произведение Войновича, можно сказать, самый смешной русский исторический роман, «Чонкин» смехом преодолевает естественный человеческий страх перед чудовищем. Потому что смешной, хотя и рычащий тигр — уже не тигр, а мышь. Вот что бывает, когда будущий писатель рождается в *Сталинабаде*.

О справедливости «теории Баранова» свидетельствуют японские зарисовки в книге *В. Цветова «Пятнадцатый камень сада Рёндзи»*: «Японка, сменив европейское платье на кимоно, начинает мыслить и чувствовать иначе», — утверждает Нахоко Нэмото, специалист по ношению кимоно. «И это правда, — пишет В. Цветов. — Знакомая актриса, исполнявшая в телевизионных спектаклях роли зловещих и коварных женщин, готовых и на убийство для достижения цели, вела себя, как «кавалерист-девица» из «Гусарской баллады», когда облачалась в юбку или брюки. Но в кимоно она становилась воплощением мягкости и безыскусности и всегда смущалась, если я вспоминал о ее телевизионных героинях.

На концерте рок-группы студентки в джинсах опрокидывали полицейских, чтобы пробиться к эстраде и дотронуться до кумиров. Те же студентки в кимоно не поводили и глазом в сторону телевизора, хотя на экране пела их любимая рок-группа. «Вы обращали внимание, как двигаются люди в мундире и в пиджаке? — сказала Нахоко Нэмото. — Одинаково чеканя шаг — в первом случае и каждый своей походкой — во втором. Так меняется и японка в зависимости от того, что на ней — юбка или кимоно...».

Профессиональное кимоно меняет человека. «Мундир чиновника — это совсем особенная, тесная оболочка, под которой сердце принимает минимальные размеры. Мне пришлось видеть такие метаморфозы среди добрых знакомых чиновничьего круга» (*С. Савинкова. Годы скорби*).

¹ Антология сатиры и юмора России XX века. Том 7. В. Войнович. — М., 1991. — С. 7.

Не единожды солгавши... (Юридическая психосоматика)

«Кто занимается физикой, естественной историей, физиологией или химией, обычно отличаются мягким, уравновешенным и, как правило, жизнерадостным нравом, тогда как авторы сочинений по вопросам политики, законовещения и даже морали — люди угрюмые, склонные к меланхолии... Объясняется это просто: первые изучают природу, вторые — общество; первые *созерцают создания великого творца*, вторые вглядываются в дело рук человека» (А. де Ривароль. *Афоризмы, размышления, анекдоты*). «От чего должен отказаться человек, если он желает получить власть над людьми? Вероятнее всего он должен отказаться от радости жизни» (М. Пришвин. *Дневники*). Отказ от радостей жизни для участия в лицедействе такого рода не может не проявиться внешне. В рассказе Ф. Искандера «*Мученики сцены*» есть очень точное наблюдение на этот счет.

Тот, кто практикует абсурд, уже не способен его распознать.

Е. Урбан

«Однажды к нам в класс пришел старый человек. Он сказал, что он актер нашего городского драматического театра... Это был крупный, плотный человек с длинной жилистой шеей, чем-то похожей на отяжелевшего, одышливого орла. Выражение лица его было брезгливое. Такие лица бывают у старых алкоголиков... Я думал о странностях природы, которая придает людям одинаковое выражение брезгливости, хотя у одних это следствие актерского ремесла, а у других это следствие злоупотребления алкогольными напитками.

Только гораздо позже я узнал, что и актеры могут иметь на лице выражение брезгливости от злоупотребления спиртными напитками. А еще позже я понял, что выражение брезгливости или брезгливости может быть следствием *долгого исполнения ролей, внушающих исполнителю хроническое отвращение*».

Последнее — долгое исполнение ролей, которые внушают отвращение исполнителю весьма — неизбежное зло юридической, в особенности адвокатской профессии. Отсюда — брезгливое и брезгли-